
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III". — СПб., "Фарн", 1994. — с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

Из истории российского монголоведения

В.Л.Успенский

Монголоведение в Казанской Духовной Академии

Казань является колыбелью российского монголоведения. Хорошо известны труды О.М.Ковалевского в Казанском университете по изучению истории и культуры Монголии, собиранию монгольских книг и рукописей. Между тем среди отечественных монголоведов считается само собой разумеющимся, что после перевода восточного факультета Казанского университета в Петербург монголоведение в Казани прекратилось совершенно. Данная статья имеет своей целью положить конец этому заблуждению наших монголоведов и воздать должное работе нескольких поколений монголоведов-преподавателей и выпускников Казанской Духовной Академии (в дальнейшем, кроме цитат, — КДА), которая продолжалась и после перевода восточного факультета в Петербург и которую прекратила лишь большевицкая революция 1917 г.

КДА была основана на основе духовной семинарии в 1797 г., но уже в 1818 г. была закрыта. Вновь КДА была открыта в 1842 г., и в этом же году началась подготовка миссионеров, а в 1854/55 учебном году были открыты миссионерские отделения против раскола, ислама и буддизма. В 1808-1869 гг. все епархии России были разделены на четыре духовно-учебных округа, каждый под ведением своей духовной академии. Как отмечал ректор КДА архимандрит Иоанн (В.Соколов; 1818-1869), "от Камчатки до Кавказа, от Нижнего Новгорода до Томска и Енисейска, не считая самой Камчатки, простирается учебный округ Казанской академии" [1, с.433]. Поскольку калмыки и буряты проживали на территориях, входивших в учебный округ КДА, то именно в ней готовились миссионеры для проповеди православия среди этих народов.

Осенью 1917 г. КДА отметила свой 75-летний юбилей. Для произнесения на торжественном собрании по случаю этого события (впрочем, "по условиям переживаемого времени" такое собрание не состоялось), один из профессоров КДА подготовил речь (оказавшуюся эпитафией), в которой, в частности, отмечал: "противобуддийское отделение большею частью не испытывало недостатка в честных и усердных тружениках — укажем, например, на выдающегося проф. А.А.Бобровникова; но, не имея физической возможности, по дальности расстояния, войти в непосредственное общение с исповедниками буддиз-

ма-ламаизма, означенные труженики, вследствие этого, не имели и благоприятных условий для полного раскрытия своих талантов; отсюда работы членов противобуддийского отделения носили не столько практический, сколько теоретический характер" [1, с.437]. О деятельности А.А.Бобровникова (1822-1865) в КДА следует рассказать подробнее.

Алексей Александрович Бобровников был сыном иркутского протоиерея А.Бобровникова, который вел миссионерскую работу среди бурят, свободно владея бурятским и монгольским языками. Его мать была, судя по некоторым сведениям, буряткой; во всяком случае, с родственниками своими она общалась исключительно по-бурятски. Кроме того, дом его отца в Иркутске был даровым пристанищем для приезжих бурят, так что бурятская речь окружала будущего монголоведа с раннего детства.

Поступив в 1842 г. в КДА, Бобровников сразу же начал заниматься монгольским языком. С 1843 г. он ходил в Казанский университет на лекции О.М.Ковалевского. После официального открытия кафедр восточных языков в КДА, Бобровников засел за изучение монгольского и калмыцкого языков вплотную. В КДА занятия по монгольскому языку в это время вел один из "первоучителей" монгольского языка проф. А.И.Попов. Кроме того, Бобровников продолжал посещать лекции по истории и культуре монголов, которые читал Ковалевский. С монгольскими книгами Бобровников не расставался в аудитории и на занятиях по другим предметам.

Как вспоминал один из сокурсников Бобровникова, тот был "человек с благороднейшим характером, честный и откровенный товарищ, и в то же время веселый комик, тонкий и наблюдательный юморист, веселый рассказчик, выдумщик всяких студенческих проказ, душа курса". [2, с.77]. В результате этих "проказ" Бобровников едва не был уволен из КДА и даже сам подумывал о переводе в Казанский университет. Причем инспекция КДА рассматривала даже заявления вроде того, которое подал служитель Федька Косой о том, что "однажды, распарившись в бане, видел, как сама нечистая сила с треском свалилась с потолка бани на пол, потом обратилась в студента Бобровникова, потом провалилась сквозь землю" [2, с.77]. Однажды во время сильного холодного дождя Бобровни-

ков решил продемонстрировать свое сибирское здоровье и стал босиком выплясывать на улице. Результатом стал сильный ревматизм. Однако ректор КДА Григорий относился к Бобровникову очень внимательно. Заботясь о его здоровье, ректор выпросил для него разрешение жить вместе с другими больными студентами в загородном архиерейском доме.

Для своего курсового сочинения Бобровников взял всеохватывающую тему по буддизму. Несколько месяцев Бобровников работал над этой темой с четырех утра до позднего вечера. Исписав около 200 страниц, Бобровников не написал и половины задуманной работы. Когда же он начал харкать кровью, то уже доктор КДА заставил его сузить тему. Сократив свои первоначальные планы, в течение великого поста 1846 г. Бобровников написал сочинение "О различии между христианским и буддийским учением о любви к ближнему" (частично опубликованной в Ученых записках Имп. Казанского университета в 1865 г.).

Стараниями ректора Григория Бобровников, окончив курс, попал на кафедру КДА. Ректор дал ему следующее поручение. Для преподавания монгольского и калмыцкого языков в духовных семинариях и самой КДА необходимы были учебные пособия. Если по монгольскому языку такие пособия были, то по калмыцкому — нет. Проф. А.И. Попов давно занимался сбором материала для своей калмыцкой грамматики. Поэтому ректор первоначально обратился к нему с предложением написать такое пособие. Однако размер вознаграждения за подобный труд, которое проф. Попов желал получить, оказался слишком тяжелым для КДА. Тогда ректор предложил написать учебное пособие по калмыцкому языку Бобровникову, который был тогда еще студентом. После некоторых колебаний, тот согласился, однако попросил для себя ученую командировку в калмыцкие степи для более глубокого изучения калмыцкого языка. К окончанию курса было получено разрешение Св. Синода на его командировку сроком на три месяца с выдачей на проезд и содержание 130 руб. (забегая вперед, скажем, что в Астрахани Бобровникову пришлось занять еще 50 руб.). Во время командировки Бобровников должен был:

1. сколько возможно глубже изучить калмыцкий язык в лексическом и грамматическом отношениях, выяснить различия между письменным и разговорным, монгольским и калмыцким языками;

2. возможно обстоятельнее изучить буддийское исповедание калмыков в его догматах и обрядах;

3. приобрести возможно полное понятие об их нравах и обычаях, их нравственности, домашнем и общежительном состоянии [2, с.332-333].

Проф. Попов предложил пункты, в которых Бобровников должен был останавливаться: хурул Хотутовского улуса кн.Тименева близ Астрахани и ставка кн.Тундутова, владельца Мало-дербетьевского улуса в 20 вестрах от Сарепты.

12 июля 1846 г. Бобровников отправился в путь. Дорога была нелегкой и отняла много времени. Собственно в калмыцких степях он пробыл 33 дня.

По возвращении в Казань Бобровников принялся за составление грамматики. Для необходимых справок по калмыцкому языку он привез в Казань калмыцкого мальчика-сироту Ачирку (Очир), которого подарил ему один из калмыцких владельцев. Этот живой и разговорчивый ребенок прожил у Бобровникова несколько месяцев, а зимой 1847 г., несмотря на все уговоры, возвратился в свои родные степи с проезжими земляками. Другим помощником Бобровникова был бурятский ученый Доржи Банзаров, с которым он подружился во время посещения лекций в университете.

При написании своего труда Бобровников столкнулся с большими трудностями. Он "хотел разгадать законы монгольского языка, как он есть в самом себе, но на эту тему не нашел ни малейшего указания у предшественников. Весь труд его был самостоятельный [...] Замечательно, что покойный Банзаров, ученый монгол, не мог объяснить ему глагольных форм своего родного языка; воспитанный в русской гимназии, он сбивался на русскую грамматику и не мог представить в чистом виде законы своего языка, который однако же в разговорах и письме употреблял совершенно правильно. Бобровников долго не мог напасть на настоящую суть. Главу о глаголах он переписывал несколько раз". [2, с.338]. Самая упорная работа происходила осенью 1847 г. во время эпидемии холеры, когда занятия в КДА не проводились. Бобровников нанял себе квартиру на чердаке одного дома и работал так, что его нельзя было отлучить от книг. Наконец, 21 мая 1848 г. его работа, получившая окончательное название "Грамматика монгольско-калмыцкого языка", была представлена ректору КДА. О.М. Ковалевский дал самый лестный отзыв на это сочинение. В ноябре того же года Св.Синод дал разрешение на печатание грамматики в количестве 1200 экземпляров. Печатание продолжалось целый год, и за это время Бобровников почти полностью переделал свой труд, "состязаясь в быстроте своей работы с наборщиком" [2, с.340]. За эту работу Синод выделил Бобровникову премию в размере 1200 руб. серебром.

В 1850 г. Бобровников представил свою работу в Академию наук на соискание Демидовской премии. Работа была вновь представлена на отзыв О.М. Ковалевскому, который на этот раз дал более чем сдержанный отзыв. Причиной послужил тот факт, что как раз в это время в "Петербургских Ведомостях" появилась заметка за подписью М.Т., в которой грамматика Бобровникова восхвалялась, а научные заслуги Ковалевского и Попова полностью отрицались. Ковалевский заподозрил самого Бобровникова в написании этой заметки (как впоследствии выяснилось, безосновательно, — ее автором был тюрколог И.Н. Березин). Однако Бобровников получил поддержку академика О.Н. Бетлинка, который сам в это время работал над грамматикой якутского языка и читал труд казанского монголоведа еще в типографских листах. Академия наук присудила Бобровникову вторую Демидовскую премию в размере 714 руб. серебром.

Бобровников работал в КДА до 1855 г., когда по материальным причинам он перевелся в пограничную комиссию в Оренбурге, где и умер в бедности через десять лет.

В 1850-1853 гг. в КДА вместе с Бобровниковым работал ученый лама-бурят Галсан Гомбоев, который даже не требовал себе никакого вознаграждения, кроме предоставления ему казенной квартиры в зданиях КДА. За особую плату Гомбоев занимался перепиской необходимых для библиотеки КДА монгольских рукописей. Вместе с Бобровниковым они составляли калмыцкие хрестоматию и разговорник. В этой работе они стремились в сжатой форме представить все житейские обычаи и поверья калмыков. Труд этот остался неоконченным, а потом и вообще куда-то пропал [2, с.343].

После ухода Бобровникова монголоведение в КДА пришло на некоторое время в полный упадок. В 1863-1871 гг. преподавание миссионерских предметов по монгольскому отделу вел проф. В.В. Миротворцев. Однако вскоре не нашлось желающих обучаться на этом отделении, и на этом основании предлагалось вообще закрыть его. Хотя закрытие не состоялось,

преподавание монгольского языка было восстановлено в КДА лишь в 1884 г. В этом году в КДА были образованы две кафедры:

1. кафедра истории и обличения ламайства и монгольского языка с бурятским наречием;

2. кафедра калмыцкого наречия, общего филологического обзора языков и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории распространения христианства между ними.

На первой кафедре преподавал проф. Миротворцев, а на второй — кандидат КДА М.С.Нефедьев. Практикантом калмыцкого языка был калмык Дик (в крещении Михаил) Бадмаев [3, сс.28-29, 246, 271].

В 1889/90 учебном году преподавание специальных предметов распределялось на монгольском отделении следующим образом. Миротворцев читал со студентами 1-го курса "Монгольскую хрестоматию" Ковалевского (1 том), со 2-м курсом переводил "Богда Дзунхаба-йн цадиг", с 3-м курсом "Тонилху-йн чимэг" из 2-го тома хрестоматии Ковалевского, с 4-м курсом переводил летопись Саган-Сэцэна, разбирал переводы христианской литературы на бурятский язык и читал произведения монгольской и бурятской народной литературы. Кроме этого, студентам 3-го курса Миротворцев прочитал курс по истории буддизма хинаяны в Индии, в 4-му курсу — историю буддизма махаяны в Индии, истории буддизма в Тибете и среди монгольских племен. Нефедьев же читал со студентами 1-го курса изданные А.М.Позднеевым калмыцкие сказки, на 2-ом курсе — "Цаклаши угей насунду дэргэрулунчи кэмэху шастир", а с 3-м и 4-м курсами занимался переводом сакусунов, йосолийн судуров и памятников исторической литературы астраханских калмыков, изданных Позднеевым [4, с.31-32].

В 1889/90 гг. при КДА были открыты двухгодичные миссионерские курсы как по татарскому, так и по монгольскому отделам. Цель курсов была "вооружить необходимыми знаниями таких лиц, которые, при всей своей преданности миссионерскому служению, не могут поступить в число действительных студентов Академии. Поэтому и в состав курсов, по избранию и рекомендации начальств епархий с инородческим населением и православного миссионерского общества, дозволено поступать всем, кто, определившись в своем направлении, желает посвятить себя миссионерскому служению, без различия звания и прав по образованию и без всякого испытания" [3, с.253]. Большинство предметов читалось слушателям миссионерских курсов совместно со студентами. Отметим, что в числе первых слушателей монгольского отдела миссионерских курсов был священник Иркутской епархии Николай Иакинфович Шастин, а его сын Павел Николаевич Шастин тогда же стал студентом монгольского отделения КДА [5, сс.99, 194]. Намного позже, уже в 20-е годы нашего столетия последний много потрудился на ниве здравоохранения Монголии. Его дочь, Н.П.Шастина стала известной советской монголистой.

Вскоре после смерти Миротворцева в 1891 г. преподавать на кафедре монгольского языка стал И.В.Попов, на кафедре калмыцкого языка — И.И.Ястребов (в монашестве Иннокентий). С 1901 г. практикантом калмыцкого языка в КДА стал работать калмык Л.Нормаев. В связи с отказом последнего принять православие, он был заменен вернувшимся в академию Нефедьевым, который, по всей видимости, свободно владел калмыцким языком. В последнее десятилетие существования КДА монголоведение в ней стало развиваться стабильно и быстро. Можно сказать, что революция положила конец казанскому монголоведению во время второго подъема. Связан этот подъем, прежде всего, с деятельностью архимандрита Гурия.

Окончив монгольское отделение КДА в 1906 г., Гурий (в миру А.И.Степанов) уже через четыре года стал ее экстраординарным профессором, а еще через два года — ее инспектором. В духовных академиях инспектор был вторым после ректора человеком, заменял его в случае отсутствия или болезни и отвечал за работу со студентами. В 1916 г. он получил ученую степень доктора церковной истории за свой труд "Очерки распространения христианства среди монгольских племен". Опубликованный 1-й том этого капитального труда посвящал калмыкам. В нем было использовано много архивных материалов, хранившихся в различных духовных учреждениях Астрахани, Ставрополя и других городов. Едва ли эти материалы сохранились. Кроме того, при написании вводного общего очерка истории монголов, Гурий использовал неопубликованный труд Ковалевского по истории монголов.

Гурий использовал свои организаторские способности и административные возможности для лучшей постановки преподавания в КДА миссионерских предметов монгольской группы. На заседании совета КДА в 1912 г., обсуждавшим вопрос об увеличении числа преподавателей миссионерского отделения, Гурий сформулировал проблемы монголоведения следующим образом: "на монгольской группе миссионерского отделения приходится иметь дело не с двумя языками, как это на татарской группе (татарским и арабским), а с четырьмя (монгольским, калмыцким, бурятским и тибетским), где при этом всего только три преподавателя". "Языки тибетский и монгольский сравнительно с арабским и татарским представляют немало затруднений в том отношении, что они мало исследованы, особенно тибетский". Гурий поставил вопрос о необходимости привлечения для работы в КДА практиканта по бурятскому языку, поскольку "бурятский язык... является языком более значительной по объему и устойчивой по национальности, чем калмыки, массы бурятского народа". "Что касается преподавания ламаизма, то здесь преподавателю приходится иметь дело с научной областью, которая гораздо менее разработана, чем ислам; ему приходится пролагать первые пути в этой области и совершенно одиноко, тогда как на татарской группе над изучением ислама потрудились и трудится немало известных ученых в различных учебных заведениях. Кроме того, как история, так и самая система ламаизма несомненно во много раз сложнее истории и системы ислама" [6, сс.115-117]. Последние слова архимандрита Гурия актуальны по сей день.

Вопрос о практиканте бурятского языка был решен довольно скоро. С 1914 г. им стал крещеный бурят И.И.Шаракинов (отец известной советской исследовательницы бурятского фольклора и эпоса Н.О.Шаракиновой).

Тибетский язык был внесен в программу предметов по монгольскому отделу миссионерского отделения КДА в 1911 г. Поэтому остро встал вопрос о подготовке преподавателя. 12 января 1912 г. совет КДА рассмотрел вопрос о командировании иеромонаха Амфилохия (в миру А.Я.Скворцов) в Монголию для изучения тибетского языка. Амфилохий окончил КДА в 1910 г. и затем в течение года совершенствовался в монгольском и калмыцком языках в Петербурге под руководством А.М.Позднеева. Вот что писал Амфилохий в своем заявлении на имя ректора КДА: "Изучение системы ламаизма возможно только по двум источникам: монгольским и тибетским. Первые из этих источников представляют из себя переводы с тибетского языка, и, нужно сказать, что эти переводы — лишь опыты передачи богатой религиозной мысли и, как таковые, они не могут со всей полнотой и ясностью излагать учение буддо-ламаизма. Переводы эти местами настолько темны и неудачны, что сами монголы стараются избегать их и по возможности пользоваться

тибетскими подлинниками, как более полно охватывающими и совершенно передающими мысли ламайского учения.

Приступая к изучению ламаизма, мне приходится пользоваться только этими несовершенными монгольскими пособиями. Между тем система ламаизма у нас еще настолько мало разработана, что полное и всестороннее изучение ее возможно только по первоисточникам. В литературе русской, равно и иностранной, доселе нет научных трудов, которые бы исследовали ламаизм со всех сторон. В ней более или менее удовлетворительно исследована обрядовая сторона, как более легкая для изучения. Догматическое же и нравственное учение совершенно не изучены. Миссионерские задачи нашей Академии между тем требуют основательного изучения именно этой стороны.

Не зная тибетского языка и поставленный таким образом в затруднительное положение при изучении ламаизма, я считаю своим долгом довести до Вашего сведения, Ваше преосвященство, что возложенное на меня указанное изучение ламаизма только тогда будет возможно, когда мною будет изучен кроме монгольского языка еще и тибетский язык. А это возможно не иначе как только после годичной или более командировки меня в Монголию, где проживает немало пришедших из Тибета лам, у которых бы я и подучился тибетскому языку" [6, сс.4-6].

Совет КДА поддержал просьбу Амфилохия, Синод также быстро дал свое разрешение. Было решено командировать Амфилохия в Монголию с 15 августа 1912 г. по 15 августа 1913 г. Однако фактически Амфилохий пробыл в Монголии два года, по 15 августа 1914 г. [7, сс.9-11]. Здесь нужно отметить, что эти годы были исключительно насыщенными событиями в истории Монголии. Поскольку Амфилохий был подготовленным монголоведом, то его дневники, письма, отчеты (если они сохранились) представляли бы большой интерес для науки.

В 1915/16 учебном году Гурий читал студентам лекции по этнографии монгольских племен, по истории распространения христианства среди них. Он также вел занятия по калмыцкому языку: с 1-м курсом читал "Иисус Христосин туджи", со 2-м — "Тонилху-ин чимэг", с 3-м — "Эрджи цоджид". Амфилохий же читал лекции по теоретическим основам буддизма и ламаизма. Со 2-м курсом он читал "Сувадийн орон у зохиал", с 3-м — "Улигерун ном". Тибетским языком он занимался с 4-м курсом, читая со студентами 36-ю главу "Занлуна" (=монг. "Улигер-ун далай"). Кроме того, с практикантами Менжуевым и Шаракшиновым студенты занимались разговорным калмыцким и бурятским языками [8, сс.44-45]. Если к этому добавить, что студенты КДА обязаны также были изучить большое количество богословских дисциплин, то придется отметить, что обучение на миссионерском отделении было не самым легким.

Небезынтересным будет сказать и о международных связях КДА. Один из выпускников православной духовной семинарии в Токио, основанной св. Николаем Японским (в миру Иван Дмитриевич Касаткин; 1836-1912), Михай Иванович Накамура поступал в 1911 г. в КДА. В отчете приемной комиссии читаем следующее: "Из числа студентов, поступающих в настоящем 1911/12 учебн. году в состав первого курса, двое — Накамура Михай и Симанский Андрей держали письменное испытание по истории русской литературы: первый как иностранец, кончивший курс в Токийской (в Японии) семинарии... Писали они на тему "Личность русского князя по "Слову о полку Игореве". Ответ г. Накамура может быть признан удовлетворительным ввиду того, что г. Накамура — "из Японии" и, принимая желание высокопочтимого архипастыря Японского, высокопреосвященнейшего Николая — видеть в г. На-

камура богословски подготовленного деятеля на ниве Японской миссии" [9, с.236]. Однако приемная комиссия не проявила снисхождения, и Накамура получил неудовлетворительный балл. Средний балл Накамуры был всего лишь 2,83. Как отмечалось в протоколах комиссии, "у японского уроженца М. Накамуры, за непредставлением им свидетельства об окончании курса в семинарии в Токио, каковое свидетельство, по его заявлению, находится в Св. Синоде, средний балл выведен на основании только экзаменационных отметок, Справка: 1) Циркулярный указ Св. Синода от 6 июля 1911 г. за № 20..." [9, с.244]. В итоге было решено "получивших неудовлетворительные баллы по сочинениям представить на милость и благоусмотрение его высокопреосвященства (т.е. архиепископа Казанского и Свяяжского Иакова — В.У.), обязав их в случае, если разрешено будет принять их в число студентов Академии, записаться на миссионерское отделение..." [9, с.253]. В случае положительного решения, Накамуру решено было зачислить на свое содержание. В итоге Накамура стал студентом монгольского отдела миссионерского отделения. Видимо, не имея достаточных средств, он обратился (на высочайшее имя?) с просьбой выделить ему стипендию от Синода. Вопрос решился положительно и довольно быстро: уже 28 октября 1911 г. совет КДА слушал "Указ его императорского величества Самодержца Всероссийского из святейшего правительствующего Синода, на имя преосвященного Иакова, архиепископа Казанского и Свяяжского от 17 октября 1911 г. за № 14163 следующего содержания: "По указу его императорского величества, святейший правительствующий Синод слушали: предложение исп. обяз. обер-прокурора святейшего Синода, товарища обер-прокурора, от 21 сентября сего года № 29046, по прошению студента 1 курса Казанской духовной академии японского уроженца Михея Накамура о назначении ему синодальной стипендии на содержание в Академии. Приказали: Принимая во внимание, что, по отзыву и.д. наблюдателя миссионерских курсов в Казани профессора Казанской духовной академии иеромонаха Гурия, Накамура, окончивший учение на миссионерских курсах, во время обучения на сих курсах, при удовлетворительных успехах обнаруживал отличное поведение, особенно отличаясь прилежанием к храму Божию, святейший Синод определяет: назначить студенту 1 курса Казанской духовной академии японскому уроженцу Михею Накамура стипендию в установленном для Казанской академии размере из основного духовно-учебного капитала; о чем уведомить Ваше преосвященство указом" [9, с.318]. Судя по оценкам, нелегко давалась Накамуре учеба в КДА. Тем не менее, он недоучился буквально несколько месяцев. Читаем строки протоколов КДА за 1914 г.: "Студент IV курса Академии Михей Накамура 29 ноября сего года вошел к преосвященному ректору прошением, в котором писал: "Получив от японского посольства в Петрограде предложение занять место переводчика в японском отряде Красного Креста на русском театре военных действий и считая себя обязанным ответить на него согласием, я решаюсь просить Вас, Ваше преосвященство, разрешить мне немедленно сдать все экзамены за четвертый курс". Преосвященный ректор наложил на прошении г. Накамуры резолюцию: "Отпуск разрешается до конца военных действий. Доложить совету". Постановили: Сообщение принять к сведению, студента Михея Накамуру считать в отпуске до окончания военных действий" [10, с.455]. Поскольку "война империалистическая превратилась в войну гражданскую", в результате которой КДА прекратила свое существо-

вание, закончить свое образование японскому монголисту не пришлось. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. В 1915 г. студентом КДА по монгольскому отделу стал другой выпускник духовной семинарии в Токио Петр Давидович Уцияма. Он также был стипендиатом Синода. [см.: 11]. О нем можно сказать только то, что, поскольку он должен был окончить КДА в 1919 г., ясно, что и ему не удалось завершить свое образование.

С КДА был связан также известный немецкий монголист В.А.Ункриг (Wilhelm Alexander Unkrig, в православии Алексей Федорович; 1883-1956). Будучи протестантом по рождению, он принял православие и решил посвятить свою жизнь распространению христианства среди монголов. В.Хайссиг, знавший его лично, писал в своем некрологе, что Ункриг учился в КДА в 1908-1912 гг. [12, р.21]. Но в списках студентов его имя не значится. Судя по всему, он окончил духовную семинарию в Житомире, а монгольский язык изучал на двухгодичных миссионерских курсах при КДА (один не сильно ориентирующийся в российских просторах современный немецкий биограф и библиограф Ункрига пишет in Zitomir bei Kasan) [13, S.251]. Начавшаяся Первая мировая война поставила Ункрига, который был германским подданным, в затруднительное положение, а революция полностью разрушила его миссионерские планы. В России Ункриг переводил на немецкий язык труды русских миссионеров-монголоведов, в т.ч. "Буддизм" архимандрита Нила (остался неопубликованным) и некоторые работы архимандрита Гурия (с которым был лично знаком).

КДА поддерживала тесные связи с крупнейшими востоковедными центрами России: Петербургским университетом, Пекинской духовной миссией, Практической восточной академией и др. Чтобы не быть голословным, приведу следующий пример. 23 сентября 1911 г. совет КДА рассмотрел следующее заявление архимандрита Анастасия (в миру А.И.Александров; 1861-1918; имел степень магистра сравнительного языкознания и санскрита; ректор КДА в 1912-13 гг.) и Гурия (тогда еще иеромонаха):

"Имею честь предложить вниманию совета Казанской духовной академии, члена Совета министра народного просвещения, тайного советника Алексея Матвеевича Позднеева. А.М.Позднеев — широко известный монголист, происходящий из духовной семьи, автор многих специальных научных, весьма полезных и в практическом отношении трудов, касающихся монгольской народности, быта различных племен, их верований, истории и языка. Он является лучшим знатоком ламаизма и исследователем его обрядовой стороны, он дал ученому миру лучшие работы в этой области.

В отношении противоламайской миссии заслуга А.М.Позднеева заключается в том, что, благодаря его научным исследованиям в указанных нами областях, облегчается возможность изучения инородцев монгольского племени и воздействия на них светом Христова учения. В этом отношении главным трудом А.М.Позднеева должен быть отмечен его перевод на калмыцкий язык всего Нового Завета. В отношении специально нашей Казанской академии заслуга А.М.Позднеева сказалась в его безвозмездных занятиях с и.д. доцента иеромонахом Амфилохием в 1910-11 уч.году по изучению монгольского языка и ламаизма, в руководственных его указаниях по исследованию ламаизма и проч. В виду всего вышеизложенного избрание А.М.Позднеева в почетные члены нашей академии было бы лишь делом справедливости и заслуженного почтения к знаменитому ученому" [9, сс.279-280].

Совет избрал А.М.Позднеева в звание почетного члена КДА, Синод утвердил это избрание 22 ноября 1911 г. В своем письме на имя ректора КДА от 12 января 1912 г. А.М.Позднеев ответил на свое избрание следующее:

"Имею честь покорнейше просить Вас лично принять мою искреннюю благодарность и засвидетельствовать перед советом вверенной управлению Вашего преосвященства Казан. дух. академии чувства моей глубочайшей признательности за высокую честь, оказанную избранием меня в почетные члены Казанской дух. академии.

Мое имя и ученые труды мои не настолько известны вне узкого круга наших ориенталистов и не настолько важны, чтобы заслужить мне ту честь, которой удостоил меня совет Казан. д. академии. Что же касается моего содействия подготовке молодых ученых Казан. д. академии, то возможностью такого содействия я обязан главнейше Императорскому Обществу востоковедения, в котором получал свою подготовку последний из монголистов Казан. д. академии и которое до настоящего года пользовалось моими познаниями по преподаванию монгольского языка и ламаизма. Поэтому в оказанном мне почете я могу видеть лишь дань уважения возданного, в лице моем, трудам Императорского Общества востоковедения, которого я остаюсь почетным членом. Только в этом смысле осмеливаюсь я отнести к себе свое избрание в почетные члены Казан. д. академии и, снова принося за него глубочайшую благодарность совету Казан. д. академии, позволяю себе представить в дар академии некоторую часть моих, изданных в печати и литографии, работ" [6, сс.20-22]. А.М.Позднеев подарил КДА 18 названий своих работ в 21 книгах (из его работ там отсутствует только "Ургинские хутухты").

О библиотеке КДА следует сказать особо. Она обладала большим собранием книг по востоковедению вообще, а по монголоведению в частности. Неоднократно дарил книги КДА Иакинф (Н.Я.Бичурин): так, в 1849 г. он подарил 136 названий книг в 219 томах и 16 рукописей [2, с.513]. Постоянно снабжали КДА книгами на монгольском, калмыцком и тибетском языках ее многочисленные выпускники, служившие в епархиях с калмыцким и бурятским населением. В 1889 г. епископ якутский Мелетий, бывший студент КДА, подарил коллекцию "тибетских и монгольских книг и брошюр буддийского содержания (206 названий тибетских и 106 названий монгольских), изданных в ламайских дацанах Забайкальской области" [3, с.136]. Подобные поступления шли постоянно. В 1912 г. штатный гелунг Гусиноозерского дацана Дондук Цеджипов Бадлуев подарил КДА следующие монгольские книги: "Шидита хегур-ун тууджи", Гадам торбо (? тиб. bka' gdams thog bu), "Сухавадийн орон-у сайшиал", "Гелун-ун суртал", "Геген толи", "Боди мур-ай дамужи гулансан ламнер-уг зерге" (монг. bodi mor-i damjiyuluysan blam-a-nar-un jerge) [6, с.105]. В 1914 г. по просьбе Амфилохия библиотека КДА купила пекинские издания сумбумов (собраний сочинений) следующих тибетских авторов: 1-го пекинского джанджа-хутухты Агван-Чойдана, 7-го далай-ламы Галсан-Джамцо, чахарского гэбши Лубсан-Чултэма, Зая-пандиты Лубсан-Принлэ, Туган-хутухты Агван-Чойджи-Джамцо, а также историю Гэсэра на монгольском [10, с.455].

В 1912 г. ревизионная комиссия по проверке имущества библиотеки КДА сообщила, что в библиотеке в плохом состоянии находятся различные коллекции (некнижные), подаренные КДА. Отмечалось, что "особенно в печальном положении находятся коллекции инородческого быта: они без порядка свалены в кучу и в значительной части попортились и даже ис-

тлеи" [6, с. 75]. Поэтому в том же году при КДА был открыт Историко-этнографический миссионерский музей. В нем хранились "как вещи, характеризующие религию и внешний быт народностей татарского и угорского, монгольского и калмыцкого корня, так и снимки с такого рода вещей, а равно книги, изданные в разное время как с целью описания религии и быта упомянутых народностей, так и с целью духовно-нравственного просвещения их, т.е. книги научные, историко-этнографического характера, и труды переводчиков-миссионеров" [14, с. 140]. Судя по годичным отчетам о состоянии КДА, эти коллекции были немалыми изначально и быстро пополнялись. Можно только догадываться о том, что стало с этим музеем через несколько лет после его основания.

Что же касается монгольских и тибетских книг, хранившихся в библиотеке КДА, значительная (?) их часть уцелела и находится в настоящее время в СПб филиале Института востоковедения РАН. Необходимо наконец покончить с господствующим заблуждением, что коллекция монгольских (и тибетских) книг КДА попала в Азиатский Музей в Петербурге в XIX в. Это произошло, по-видимому, в 20-х гг. нашего столетия после закрытия КДА в 1920 г.

С 1855 по 1917 гг. КДА издавала ежемесячный журнал "Православный собеседник", в котором публиковались также и монголоведческие статьи. С 1915 г. КДА стала издавать журнал "Историческое обозрение", в котором были опубликованы три интересные статьи В. О. Иванова, выпускника КДА 1913 г.: "Буряты (Краткие сведения о технике ламайской иконографии у бурят Агинского дацана Забайкальской области)" (1915, т. 1, кн. 1, с. 20-24); "Буряты-ламаиты (Дацан в селе Агинском Забайкальской области)" (1916, т. 2, кн. 4, с. 131-151); "Буряты-ламаиты (Бурятский праздник "Обо")" (1916, т. 2, кн. 4, с. 273-276).

Специальной работы заслуживают труды выпускников КДА, служивших от ставропольской до якутской епархий, которые оставили в соответствующих епархиальных ведомостях множество статей о калмыках и бурятах. Упомянем только труды по буддизму И. А. Подгорбунского, выпускника КДА 1888 г. Большой интерес представляют также некоторые курсовые сочинения (выражаясь современным языком — дипломные работы) студентов КДА. Назовем некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные работы: "Нравственное учение буддизма по монгольской книге "Улигерун-далай", с приложением ее русского перевода" (И. А. Подгорбунский, 1888 г.); "Изложение религиозно-нравственной системы буддизма по "Тонилху-ин чимэж", с приложением русского перевода этой книги" (К. В. Данилевский, 1888 г.); "Изложение и разбор космологической системы буддизма, с приложением русского перевода "Иртинчун толи" (Д. И. Знаменский, 1888 г.); "Воззрения ламаитов на посмертное существование души, по рукописи "Чойджид дохинин туджи арошиба" (В. И. Иванов, 1913 г.); "Учение ламаизма по монгольскому сочинению "Бодисат Дзариа Аватара" и разбор его" (А. В. Срединский, 1916 г.). Известно, сохранились ли эти и многие другие сочинения.

Из тех разрозненных фактов, которые мы привели в этой небольшой статье, видно, что на протяжении своего существования КДА занимала достойное место в изучении языка и культуры монгольских народов. В то время, как четырем английским протестантским миссионерам, работавшим среди бурят некоторое время в I-ой пол. XIX в., их соотечественники посвящают статьи, книги и доклады на конференциях, отечественная наука совершенно молчит о десятках тружениках-миссионерах. Давно уже назрело время исправить эту несправедливость.

Литература

1. Писарев Н. Казанская духовная академия на службе православной церкви и русскому народу (По поводу исполнившегося 21 сент.-8 ноябр. 1917 г. 75-летия существования Академии) // Православный собеседник, 1917. № 10/12.
2. Знаменский П. В. История Казанской духовной академии. Казань, 1892. — Ч. 2.
3. Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования (1870-1892). — Казань, 1892.
4. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1889-1890 учебный год. — Казань, 1890.
5. Протоколы заседаний совета Казанской духовной академии за 1890 год. — Казань, 1891.
6. Протоколы ... за 1912 год. — Казань, 1912.
7. Протоколы... за 1913 год. — Казань, 1913.
8. Отчет о состоянии Императорской Казанской духовной академии за 1914-1915 учебный год. — Казань, 1915.
9. Протоколы ... за 1911 год. — Казань, 1911.
10. Протоколы... за 1914 год. — Казань, 1914.
11. Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии за 1915-1916 учебный год. — Казань, 1915.
12. W. Heissig. W. A. Unkrig // Central Asiatic Journal. — 1957/58, Vol. 3. — Pt. 1.
13. H. Walravens W. A. Unkrig und sein Werk: eine Bibliographie // Zentralasiatische Studien. — 1982. — № 16.
14. Православный собеседник, — 1913. — № 7/8.

Краткие биографические сведения о преподавателях-монголистах КДА

МИРОТВОРЦЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(1838-1891)

- 1863 — окончил Петербургскую духовную академию и в этом же году сдал в Петербургском университете экзамен по предметам монголо-калмыцкого разряда восточного факультета
1869 — преподаватель монгольско-калмыцкого языка в КДА
1870 — экстраординарный профессор по кафедре миссионерских предметов
1881 — инспектор КДА

Основные работы:

- Изложение и критический разбор основных положений буддизма // Православный собеседник (в дальнейшем: ПС). — 1873 — № 9, 11; 1874 — № 3, 4.
Материалы по истории Пекинской духовной миссии. // ПС. — 1888 — № 10.
К биографии Иакинфа Бичурина. // ПС — 1886 — № 8.
При содействии бурята Чистохина перевел много книг на народный бурятский язык.

ПОПОВ ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ

- 1889 — окончил курс КДА
1901 — магистр богословия
1901 — доцент
1906-1908 — и.д. сверхштатного экстраординарно-го профессора

Магистерская диссертация:

- Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждения. — Казань, 1898.

ИННОКЕНТИЙ

(В МИРУ ЯСТРЕБОВ ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ)

- 1892 — окончил курс КДА
1898 — магистр богословия
1898-1905 — доцент

Магистерская диссертация:

- Миссионер высокопреосвященный Владимир, архиепископ Казанский и Свяжский. — Казань, 1898.

ГУРИЙ

(В МИРУ СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ)

- 1906 — окончил курс КДА
1909 — магистр богословия
1909 — доцент
1910 — экстраординарный профессор
1912 — инспектор КДА
1912 — архимандрит
1916 — доктор церковной истории и ординарный профессор

Магистерская диссертация:

- Буддизм и христианство в их учении о спасении. — Казань, 1908. Немецкий пер.: Der Buddhismus des Mahayana. Von Archimandrit mag. theol. P.Gurij. Aus dem Russischen übersetzt mit einer Einleitung Die Bedeutung des Mongolischen für die Kenntnis des nördlichen Buddhismus. Von W.A.Unkrig. //Anthropos. — 1921/22. — № 16/17; 1923/24. — № 18/19.

Основные работы:

- Бодимур и его критический разбор. // Православный благовестник. — 1915. — №№ 5/6, 7/8, 10, 12.
Очерки распространения христианства среди монгольских племен. — Т.1.Калмыки. — Ч.1-2. — Казань, 1915.

АМФИЛОХИЙ

(В МИРУ СКВОРЦОВ АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ)

- 1910 — окончил курс КДА
1911 — и.д. доцента

Курсовое сочинение:

- Религиозно-нравственные переводы на калмыцкий язык как средство миссионерского воздействия.

НЕФЕДЬЕВ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ (УМ.1910)

- 1884 — окончил курс КДА
1886-1891 — и.д.доцента
1891-1893 — вольнонаемный преподаватель КДА
1904-1910 — практикант калмыцкого языка

БАДМАЕВ ДИК (В КРЕЩЕНИИ МИХАИЛ)

Безымянный зайсанг Александровского Багацохуровского улуса.

- 1884-1894(?) — практикант калмыцкого языка
1896 — окончил курс в Казанской учительской семинарии

НОРМАЕВ ЛИДЖИ

- 1898-1899 — переводчик Харахусовского улусного управления
1901-1904 — практикант калмыцкого языка КДА

МЕНЖУЕВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

- 1901-1904 — практикант калмыцкого языка КДА
1909 — окончил миссионерские курсы в Казани
1911 — практикант калмыцкого языка КДА

ШАРАКШИНОВ ИОСИФ ИВАНОВИЧ

- 1914 — окончил миссионерские курсы в Казани
1914 — практикант бурятского языка КДА